

УДК 1

DOI 10.21661/r-462859

Д.В. Рахматулина

**СУБЪЕКТИВНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ТИТУЛЬНОГО ЭТНОСА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ДИАСПОРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ)**

Аннотация: в статье содержится обоснование исследовательского подхода к выявлению содержаний субъективной исторической памяти у групп респондентов различной этнической принадлежности. Представлены результаты исследования двух групп респондентов, являющихся потомками поволжских немцев и представителей титульного этноса (русских). Установлены основные культурно-исторические события жизни народов, составляющие историческую память, в привязке к которым выстраиваются нарративы респондентов.

Ключевые слова: историческая память, нарратив, субъективная реальность, история Поволжских немцев.

D.V. Rakhmatulina

**THE SUBJECTIVE CONTENT OF HISTORICAL MEMORY
IN AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVES OF REPRESENTATIVES
OF TITULAR ETHNIC GROUP AND NATIONAL DIASPORA
(BASED ON THE EXAMPLE OF THE VOLGA GERMANS)**

Abstract: the article contains a justification of the research approach to the detection of subjective content of historical memory among groups of respondents from different ethnic background; presents the results of a study of two groups of respondents, who are descendants of the Volga Germans and the representatives of the titular

nation (Russian); establishes the main cultural and historical events of life of the peoples that make up the historical memory.

Keywords: *historical memory, narrative, subjective reality, history of the Volga Germans.*

Трансформационные процессы в России на рубеже XX–XXI вв. значительно повлияли на массовое сознание и историческую память людей. В связи со стремительными изменениями социального пространства обострился ряд вопросов, касающихся проблем исторической памяти и этнической идентичности.

Историческая память – конституирующее образование, которое обуславливает жизнеспособность этноса в целом, а также самосознание его представителей. Историческая память народа оказывается представлена в форме официально принятой последовательности событий, а также в форме субъективной памяти представителей народа. Зачастую оказывается, что это соотносящиеся, однако различные по содержанию и оценкам реальности.

Несмотря на определенную противоречивость и неполноту, историческая память обладает потенциальной способностью сохранять в сознании людей оценки событий прошлого, которые становятся ценностными ориентациями, определяющими их поведение [3]. Включаясь с субъективную картину жизненного пути, этно-историческая память может выступать одним из оснований этнической идентичности [7].

Субъективная реальность этнического самосознания при этом выявляется нами посредством нарратива, помещаемого в ходе анализа в хронотопную систему координат, где единицей анализа выступает «событие» – временно-пространственная локализация субъективно значимого и эмоционально пережитого факта, находящего оценку в личной теории респондента. Обращение социальной психологи к нарративу созвучно общей тенденции усиления интереса социальных наук к биографиям [5, с. 12].

«*Narrativ*» (англ. *narrative* – повесть, повествовательный) – история, повествование, рассказ, в частности о собственном личном опыте [1, с. 390]. Сегодня нарратив – это концепт, объединяющий историю и психологию. В исторической науке актуальность нарративного подхода обосновывалась А. Дж. Тойнби [6], в психологии – Дж. Брунером [2].

По мнению Е.Е. Сапоговой суть нарративного подхода отражена в том, что «жизненный путь личности понимается как осмысленное целое, существующее для нее самой и для других в форме завершенной истории – автобиографического нарратива» [4, с. 64].

Выбор нарративного подхода определяется необходимостью бережного отношения к биографической и исторической памяти людей, содержащей образы психологически болезненных, трагических событий.

Пилотажное исследование. Исследование проводилось на материале автобиографических нарративов респондентов, объединенных общим временем и территорией проживания. Целью было сравнительный анализ общей картины хронотопа исторической памяти поволжских немцев и представителей титульного этноса (русских), представленности в нем важных исторических событий и наличия их сопряжения с событиями личной судьбы. Исследование проводилось в сентябре 2015 г. – апреле 2017 г. на территории Волгограда и Волгоградской области. Участниками стали местные жители, граждане России, всего 72 человека. Из них 36 человек, относящих себя к титульному этносу (русские) и 36 человек, считающих себя поволжскими немцами, в возрасте от 47-ми до 93-х лет. Применялись методы беседы, полуструктурированного интервью (авторский опросник).

Удалось установить субъективно значимые события культурно-исторического контекста, являющиеся общими для респондентов, так или иначе вплетенные в их личные жизненные истории. Такими событиями для поволжских немцев стали:

1) основание колоний на берегу Волги немецкими переселенцами, прибывшими по приглашению Екатерины II в Россию (1765 г.) – 52%: «Те, которые при

Екатерине приехали, долгое время традиции соблюдали, веру держали, а потом все перемешалось, вот так»; «Родители или бабки с дедами приехали сюда при Екатерине»; «А потом появился появился манифест Екатерины II, которая приглашала иностранцев осваивать Поволжье. Вот так наши предки и оказались в Лизендергийском кантоне, сейчас это Энгельский район ст. Безымянная»; «Мы из тех немцев, которые в Россию при Екатерине заселились».

2) ликвидация Автономной Республики немцев Поволжья и депортация немцев из АССР, встречающаяся в речи респондентов как: «ссылка», «трудармия», «репрессия» – 61%: «Из ссылки на родину предков мы только в восьмидесятих приехали. Деда в трудармию отправили в сорок первом, а бабушка одна с пятерыми детьми в селе осталась»; «Мой отец родился в ссылке, в Сибирской деревне»; «А какая маслобойка у нас была! Ни у кого такой не было. Как шка-тулка со створками и ручка сверху, как у патефона... родители с собой в ссылку привезли»; «Отца арестовали, а мы всей семьей – нас 10 человек было с дедушкой и бабушкой, еще тетя с нами – в ссылку»; «Конечно, трудармия – сложный период в жизни наших отцов, дедов»; «Когда их выслали, деда забрали в трудармию, а мама была беременна пятым как раз, отцом моим».

3) частичная реабилитация 1956 г. – 16%: «Уже когда я вышла замуж, мы с мужем разыскивали в архивах сведения о том, что в 1942 году он был расстрелян, а в 1956 – реабилитирован»; «Ну потом тоже ходили мы, уже тут отмечались, ходили расписывались в комендатуру. А потом в 56 году сняли это. Ну, репрессию эту»; «Как в 56 году сюда вернулись, вот такие печки делали... это летняя кухня. Не совсем сразу... но вернулись»;

4) возможность вернуться на территорию бывшей немецкой автономии («на родину») в 70-х годах – 19%: «А мы уже потом вернулись. Но не в наше село, в другое. В нашем уже и дома нашего не было, мы тут поднимали село»; «Когда война уже кончилась, маме сказали, что едут домой, на родину. Короче, ее не отпустили на родину. В Крым, потому что посчитали врагом народа. Намного Позже вернулись, в семидесятих».

5) переезд родных в Германию, на историческую родину, в 90-х гг. – 61%: «У нас, во-первых, деревня почти полностью эмигрировала в Германию, можно сказать. Почти все уехали»; «Может, в Энгельсе есть, наши родственники, которые в Германию уехали – мамина двоюродная сестра, Эдна – вот она делала что-то, только ты тогда не очень интересовались»; «Но это я уже потом узнал, когда наши в Германию стали уезжать»; «В Германию не удалось уехать, вовремя документы не собрали, а сейчас уже все сложнее стало. Да и не жалею, дети здесь, куда ехать-то. Старею, жизнь проходит. Будем тут доживать».

6) неудачные попытки восстановления государственности – 27%: «Одно время была надежда, что будет у нас тут автономия, как раньше. Но не позволили. Дело дошло до демонстраций, оскорблений, после этого многие разочаровались и уехали в Германию».

В нарративах респондентов, идентифицирующих себя с титульным этносом (русские), отмечены следующие временные координаты:

1) 1917 г, начало XX вв., артикулируемые в нарративах респондентов как «революция» и «гражданская война» (18%): «Во время революции и гражданской войны – тоже понятно: там помещики и капиталисты»; «Говорили – бандитское село. Были там банды зеленые, и красные были, промышляли в революцию, по слухам».

2) 1941–1945 гг., фигурирующий в нарративах респондентов как «война», «Великая Отечественная»: «Война закончилась, 54-ый–59 годы я училась, страна поднималась из руин»; «Я помню, когда война началась – не дай Бог никому, – на моих глазах дед погиб, и дом, бомбили. Даже вспоминать не хочу»; «Родилась я в 1953 году, 8 лет после войны. Район поначалу не помню, маленькая была. Родители рабочие, папа инвалид Великой Отечественной Войны. Прошел войну, в конце был ранен, ноги обморозил, не мог ползти, его признали негодным и из госпиталя отправили».

3) «советское время» (44%): «Примерно до 15 лет я ощущала себя частью самого великого и прекрасного общества на земле – советского коммунистического общества, за которое готова была отдать жизнь – так нас учили»; «Детсад

у нас старинный, вон там он, от судостроительного завода, я в него ходила. В группах были портреты Сталина, все праздники отмечали, Новый Год. В наше «плохое» советское время детей вывозили на летние дачи, на гору, на все лето».

4) «перестройка» (38%): «Помню очереди в магазинах, помню потом талончики. Перестройку...»; «Я коренной волгоградец. В 85 году перестройка, в 86 – техникум, в 91 последний призыв в советскую армию, 2 года служил»; «мне часто снится двор где прошло мое детство

а детство закончилось с приходом Перестройки... И оказалось что не все люди друг другу братья, что двери надо запирать, и о своих успехах никому не рассказывать»; «В перестроечные годы была очень тяжелая жизнь. Я потеряла работу на процветающая швейной фабрике «Динамо».

Установлено, что в нарративах поволжских немцев оказываются не представлены относительно спокойные исторические периоды, – актуализируются «трудность» и «боль». В автобиографических нарративах респондентов, относящих себя к титульному этносу, оказываются представлены как относительно спокойные исторические периоды, так и «тяжелые времена», под которыми понимаются преимущественно «война» и «перестройка».

Таким образом, были определены основные культурно-исторические события жизни народа, составляющие историческую память, в привязке к которым выстраиваются психологические хронотопы нарративов поволжских немцев и представителей титульного этноса.

Список литературы

1. Большой психологический словарь. – 4-е изд., расширенное / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – М.: АСТ; СПб: Прайм-Еврознак, 2009. – 816 с.
2. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. – 2005. – №1 (2). – С. 9–31.
3. Дмитриева М.Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества: Автореф. ... канд. социол. наук. – М., 2005.

4. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. – 2005. – №2. – С. 63–74.

5. Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // ИНТЕР. – 2002. – №1. – С. 7–25, С. 12.

6. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 392 с.

7. Трегубенко И.А. Историческая память в контексте субъективной картины жизненного пути личности: Автореф... канд. психол. наук. – М., 2013.

Рахматулина Даниэля Викторовна – аспирант Волгоградского института управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Россия, Волгоград.

Rakhmatulina Danielya Viktorovna – postgraduate at Volgograd Institute of Management FSBEI of HE “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”, Russia, Volgograd.
